

КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННИКИ-МИССИОНЕРЫ — ПОСЛАНЦЫ ВАТИКАНА

Активная политика партии большевиков на искоренение религии вместе с насаждаемым властями воинствующим атеизмом с неизбежностью должны были привести к уничтожению Церкви в Советском Союзе: ни одной из Церквей не было места в атеистической стране, в том числе и Католической, разгром которой практически завершился к 1939 году.

Тогда на всей территории СССР осталось лишь два действующих римско-католических храма — в Москве и Ленинграде — в них служили официально зарегистрированные два священника-иностранца: Мишель Флоран, настоятель храма Французской Богоматери в Ленинграде, и отец Леопольд Браун, настоятель храма Св. Людовика Французского в Москве.

До сих пор окончательно неизвестен масштаб репрессий католиков: сколько священнослужителей и мирян было арестовано и расстреляно в период 1937–1938 годов, сколько их, арестованных ранее, погибло в лагерях и ссылках. В отчете о религиозной ситуации в стране, отправленном в Ватикан в 1940 году, настоятель храма Св. Людовика Французского в Москве Леопольд Браун писал:

«С момента начала русской революции было арестовано около тысячи католических священников. Большая часть среди них скончались в тюрьмах, в концентрационных лагерях или на принудительных работах. Из тех, кто еще жив, никто не был отпущен затем, чтобы вновь совершать богослужения. Существует полный запрет на то, чтобы дать детям религиозное образование, запрещена публикация книг, периодики или простых печатных листов религиозного характера»¹.

При этом отец Леопольд отмечал, что отступничество священников, вызванное постоянным страхом репрессий, а также насаждаемое атеистическое воспитание новых поколений породило в душе народа пустоту, поэтому так необходимо миссионерская работа новых духовных пастырей для католиков России.

Ватикан уже с 1925 года рассматривал различные варианты помощи верующим в Советском Союзе, в течение ряда лет он делал попытки на дипломатическом и других уровнях хоть как-то договориться с советским правительством о сотрудничестве для нормальной деятельности Католической Церкви. Но все попытки были тщетны, поэтому при Конгрегации Восточных Церквей в Риме был создан в 1929 году специальный Коллегиум² "Руссикум", главной целью которого стала подготовка католических священников восточного обряда для дальнейшего служения в СССР, а также среди русских эмигрантов за границей. Студенты "Руссикума" изучали русский язык и религиозные обряды, принятые при служении в Русской Православной Церкви, знакомились с историей и политической ситуацией в России, а также с основами коммунистической идеологии.

До сих пор нет четкого ответа на вопрос — готовились ли специально студенты "Руссикума" для нелегальной работы в СССР. Скорее всего Ватикан занимал на этот счет достаточно гибкую позицию: если бы отношения Католической Церкви с советскими властями развивались благоприятно, то направление выпускников "Руссикума" в католические приходы страны было бы официальным, но если бы договориться с

¹ Wenger A. Pome et Moscou, 1900–1950. Paris, 1987. Перевод. Машинопись. С.435.

² Комиссия "Pro Russia".

властями не удавалось, то Ватикан не исключал для своих выпускников нелегальных переходов границы и тайной миссионерской деятельности в Советском Союзе. Довольно точные, на наш взгляд, показания на этот счет дал арестованный в 1941 году на Урале как нелегальный священник-миссионер Вальтер Чишек:

«Основывая "Руссикум", Ватикан не имел и не имеет в виду нелегального перехода на территорию СССР выпускников, окончивших это учебное заведение, тем более со шпионской или диверсионной деятельностью, как не раз об этом сообщалось в советской прессе»³.

Но следует иметь в виду, что священник-миссионер, нелегально перешедший границу Советского Союза, в случае своего ареста не мог рассчитывать на заступничество Ватикана, где знали о его решении, молились за него, — но не более того. Об официальных заявлениях Ватикана в связи с арестами "нелегалов" отец Вальтер показал следующее:

«Если же встречаются нелегальные переходы священников, то единственно с целью несения духовной помощи, и они предпринимаются по инициативе местных властей или самого выпускника на свой страх и риск».

Поэтому нас так удивляет и восхищает мужество тех выпускников "Руссикума", которые в подобной ситуации, совсем не представляя, что может их ожидать в атеистической стране, не имея за спиной никакой влиятельной защиты, все же решались на свою одинокую и, по сути, обрекавшую их на гибель миссию.

Сначала первые выпускники "Руссикума", принявшие священнический сан, были направлены в Польшу для преподавания в католической семинарии восточного обряда в Дубно, а некоторых из них — для продолжения учебы в Новициат восточного обряда в Альбертин. Позднее "руссикумцев" в основном направляли для миссионерской работы в Литву, Латвию, Румынию и Польшу, откуда уже сами священники искали пути нелегального проникновения в СССР.

С 1935 по 1939 год Коллегиум "Руссикум" окончил более 25 человек, но до сих пор неизвестно, скольким же "руссикумцам" удалось нелегально пробраться в СССР, сколько из них смогли официально зарегистрироваться и начать служение в храмах, а сколько из них было сразу же арестовано на границе и расстреляно либо отправлено в лагеря. По предварительным данным их было не менее 15 человек, но точных данных о миссионерах, пропавших в СССР без следа, до сих пор нет; о некоторых известен лишь конец их трагического пути — расстрел; немногие из них, пройдя через тюрьмы и лагеря, смогли вернуться на родину.

Попробуем же воссоздать историю "крестного пути" итальянского священника отца Пьетро Леони, судьба которого еще до ареста тесно переплелась с судьбой его соучеников по "Руссикуму", также прошедших тюрьмы, лагеря и ссылки в СССР, — материалы их следственных дел стали доступны нам в последнее время.

* * *

Первое упоминание о выпускниках "Руссикума", появилось в документах следственного дела отца Яна Кельнера, арестованного 9 декабря 1940 года. После пересечения государственной границы СССР

³ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело В. Чишека // Центральный архив ФСБ РФ.

он обратился за помощью к крестьянину, а тот решил странного "незнакомца" задержать. По дальнейшим показаниям крестьянина на допросе:

«Чтобы успеть сообщить о нем на заставу, я пригласил прийти до своей хаты. Неизвестный же, когда зашел до хаты, стал меня просить, чтобы я его проводил до Турки или до Львова, за все это он давал мне деньги, но я от них отказался»⁴.

Разве мог предположить священник, что пока он спал, хозяин, договорившись со своим братом, «в пять часов утра сел верхом на лошадь и приехал на заставу, где доложил политруку, что они задержали одного нарушителя».

Первый допрос отца Яна продолжался трое суток: с 17 по 19 декабря — и днем, и ночью, причем, его, как нелегала, жестоко избивали; 21 апреля 1941 года для дальнейшего следствия он был вывезен в Киев. Хотя главным обвинением против отца Яна был нелегальный переход государственной границы, но следствие больше всего интересовали имена его соучеников, выпускников "Руссикума". И оно их получило... но отец Ян назвал имена лишь тех священников, которых Ватикан направил служить на Западе: в Праге, Братиславе, Париже, Риме. Ни одного из знакомых ему выпускников "Руссикума", готовившихся к миссионерству в России, он не назвал, среди них был и Пьетро Леони.

С началом войны следствие по делу отца Яна было сразу же окончено, уже на второй день войны в Киев пришла срочная шифротелеграмма из Москвы от Меркулова: «*Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКВД и составьте списки на тех, которых Вы считаете целесообразным расстрелять*»⁵. Именно этот документ ускорил трагическую развязку: Яна Кельнера не отправили, как предполагалось ранее, для дальнейшего следствия в Москву. 7 июля 1941 года он был приговорен к высшей мере наказания⁶ и в тот же день расстрелян в Киевской внутренней тюрьме.

* * *

29 января 1941 года Славским пограничным отрядом Дрогобычской области при попытке нелегального перехода границы СССР был задержан католический священник Георгий Москва, с фальшивым паспортом на имя Домбровского Юрия Иосифовича. На первых же допросах отец Георгий утаил свой священнический сан, сразу же заявив, что был завербован венгерскими спецслужбами и заброшен ими в СССР для ведения шпионской работы. Несомненно, отец Георгий осознавал, что подобное признание грозит ему расстрелом, но в его готовности пострадать за другую "вину" было, очевидно, желание не дать следствию компрометирующих материалов для обвинения Ватикана в тайной деятельности на территории Советского Союза.

На бесконечных ночных допросах он твердо стоял на этой версии в течение нескольких месяцев, повторяя и подробно дополняя ее. Но когда на одном из допросов следователь назвал его настоящие фамилию-имя — Георгий Москва, — ему пришлось признаться во лжи и дать правдивые показания:

«Я преподавал в католическом новициате в Альбертине, но

⁴ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело Г. Москвы // Архив ЦГАОО Украины.

⁵ Переписка по приказам Судебных троек, Комиссии НКВД и Прокурора СССР за 1959 год. Д.12. Приказ № 2445-М от 23 июня 1941 года // Архив ЦГАОО Украины.

⁶ По постановлению Наркома внутренних дел и Прокурора УССР.

при разделе Польши выехал во Львов и здесь, по предложению митрополита Андрея Шептицкого, решил по подложным документам нелегально перебраться в Россию, чтобы вести тайную миссионерскую работу»⁷.

Позднее, судя по его показаниям, отец Георгий передумал и решил сначала отправиться в Рим, но при переходе венгерской границы был задержан пограничниками и отправлен в Будапештскую тюрьму. Через два месяца с помощью тюремного священника и вмешательства иезуитов он был освобожден и переправлен в Рим. В Ватикане он встретился с Папой Римским и передал ему отчет митрополита Андрея Шептицкого о положении Католической Церкви в СССР. Получив благословение Папы на продолжение своей миссионерской работы в Советском Союзе, он выехал в Венгрию, где при нелегальном переходе границы был арестован уже советскими пограничниками.

Конечно, у отца Георгия не было никаких шансов убедить следствие в том, что целью его возвращения была миссионерское служение. Для советской власти он был *"агентом Ватикана"*, посланным со шпионским заданием, причем, основания для такого вывода были серьезными, — нелегальный переход границы, его фальшивый паспорт, а главное, передача Ватикану *«провокационных сведений о положении Католической Церкви в СССР»*. Но на допросах следствие интересовал лишь один вопрос, и ответ на него в буквальном смысле слова выбивали из подозреваемого, — от него требовали назвать имена выпускников "Руссикума", ранее направленных в СССР. Но добиться таких показаний от него не удалось, для дальнейшего следствия арестованный должен был вывезен в Москву.

Начавшаяся война изменила его судьбу. Согласно указанию Меркулова, 7 июля 1941 года Георгий Москва был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в Киевской внутренней тюрьме.

* * *

23 июня 1941 года, на второй день войны, в городе Чусовая на Урале были арестованы католические священники Вальтер Чишек и Владимир Новиков, приехавшие в конце 1940 года с партией завербованных во Львове рабочих по поддельным паспортам. Об этих священниках чекистам было уже известно от агентуры, работавшей среди рабочих-поляков, но с арестом не спешили, надеясь выявить их знакомых в Чусовой, а также связи их в других городах.

На первом же допросе в Перми следователь назвал отцу Вальтеру его настоящее имя, заявил, что он *«ксендз-иезуит и немецкий шпион»*, а также, что они оба, *«как агенты Ватикана, проводили антисоветскую работу по созданию антисоветских католических организаций с задачей свержения существующего в СССР строя, вели среди своего окружения антисоветскую и пораженческую агитацию, занимались шпионажем против СССР»⁸.*

Об их *«антисоветской и пораженческой агитации»* в следственном деле имеется несколько показаний "свидетелей", в основном это были поляки, высланные ранее на Урал и готовые подписать любые протоколы, чтобы не быть арестованными. О своих попытках миссионерской работы показали на допросах сами священники — как пытались вести осторожные разговоры о Боге с молодежью, что вызвало к ним недоверие и

⁷ Следственное дело Г. Москвы // Архив ЦГАОО Украины.

⁸ Следственное дело В. Чишека и других // Центральный архив ФСБ РФ.

подозрительность, как отец одного из мальчиков, с которым общался отец Вальтер, пригрозил сообщить об этих разговорах, «куда следует», как посылали во Львов сообщения о религиозной ситуации на Урале через отца Георгия Москву, с которым заранее договорились о зашифрованных письмах, в которых "дрова" означало верующий, а "снег" — молодежь. Позднее в своих позднейших воспоминаниях отец Вальтер подробно опишет, как велись эти допросы:

«Меня заставляли сидеть, выпрямившись, на краю стула в течение многих часов. А иногда, если следователю не нравился мой ответ, то он бил меня в лицо так, что я падал со стула на пол. Два или три раза в течение моего месячного пребывания в Перми следователь звал несколько охранников, и тогда меня вели в соседнюю комнату, устланную коврами и со звукоизоляцией на стенах. Там меня били резиновыми палками по затылку, а когда я пробовал отклонить голову, то получал удар в лицо»⁹.

Такими методами следствию удалось сломить сопротивление обвиняемых и получить от них "нужные" сведения о целях создания "Руссикома": «воспитания священников-миссионеров в духе преданности Римскому престолу, в духе непримиримой борьбы с коммунизмом, материализмом и безбожием»¹⁰. Они сообщили, что к 1939 году там было подготовлено тринадцать священников-миссионеров, и назвали имена десяти человек, которые могли быть направлены Ватиканом на нелегальную работу в СССР. Среди названных были Ян Кельнер, Георгий Москва, уже осужденные органами НКВД, и неизвестный следствию отец Пьетро Леони¹¹.

В августе 1941 года отец Вальтер и отец Владимир были привезены в Москву, где следствие продолжалось еще год. А 23 сентября 1942 года по обвинению «в шпионаже и антисоветской агитации» они были приговорены к 15 годам каторжных работ. Однако и после приговора они не были отправлены в лагерь и еще год давали подробные показания о деятельности Ватикана в СССР и на Западе.

* * *

Осенью 1941 года католический священник Пьетро Леони вместе с итальянскими войсками вошел в Донбасс. Полевой госпиталь, в котором он служил военным капелланом, занял три здания старой железнодорожной больницы в маленьком поселке, расположенном севернее городка Сталино. С первых же дней своего пребывания отец Пьетро развил бурную деятельность, и в ближайшее воскресенье решил торжественно отслужить мессу. Церкви в поселке не было уже много лет, поэтому богослужение должно было совершиться в большом зале амбулатории, расположенной рядом с госпиталем.

«Новость о предстоящей мессе распространилась быстро, и в воскресное утро зал был полон народа. Я не сомневаюсь, что присутствовало более 200 верующих. Я подготовил помощника, чтобы он помогал мне во время богослужения; но как только я начал литургию, среди верующих сразу же возник настоящий хор, который вскоре заглушил неуверенный голос моего помощника.

Возможно, достаточно было бы даже самого богослужения,

⁹ Cizek W., Flaberty D. Z Bogiem w Rosji. Warszawa, 1990. С. 101. Перевод с польского.

¹⁰ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело В. Чишека и других // Центральный Архив ФСБ РФ.

¹¹ Среди них были названы Фома Подзява и Козьма Наялович, направленные служить в Харбин, Франц Гельвегин, служивший в Литве, ректор "Руссикома" Венделин Яворка.

чтобы вызвать в присутствующих чувство умиления, но самое трогательный момент ожидал нас в конце проповеди, которая была на русском языке. Слова этой краткой проповеди, подсказанные мне окружающей обстановкой, вызвали в толпе такие слезы и рыдания, что они растрогали даже сердца наших людей. Потом офицеры полушутя-полусерьезно спрашивали меня: "Что вы им сказали, чтобы они так расплакались? Еще немного, и мы бы тоже разрыдались, хотя не поняли ни слова".

Я поздравил прихожан с тем, что они не утратили своей веры: "Не были напрасными обращения к Господу верующих Католической Церкви о том, чтобы за двадцать три года гонений у вас хватило бы силы духа и стойкости, чтобы отстоять вашу веру. Мы постоянно обращались к Богу, неустанно повторяя молитву: "Спаситель мира, спаси Россию!" И Он исполнил нашу просьбу"»¹².

А после обеда в зале прошло и первое религиозное занятие, на котором было столько молодежи и детей, что не всем даже нашлось место. День закончился всеобщей благодарственной молитвой за вновь обретенную духовную свободу.

С того дня, несмотря на официальное запрещение военным капелланам проводить богослужения для жителей оккупированных территорий¹³, отец Пьетро развил активную апостольскую деятельность. Как военный, он обязан был подчиняться любому приказу, но этот приказ был настолько несправедлив и так противоречил велению Спасителя: «Идите и проповедуйте всем народам», — что для себя он решил продолжать, в молитвах своих постоянно обращаясь к Господу, чтобы он научил его, как достойно выполнить свой долг.

Почти у всех местных жителей были трудно разрешаемые проблемы, и, главным образом, срочная необходимость крещения детей или внуков. И хотя отца Пьетро не раз охватывали радость и воодушевление, когда он крестил детей католиков, но ему приходилось смирять свой энтузиазм, когда к нему обращались православные, чтобы терпеливо объяснять им, на каких условиях он может окрестить их детей.

«Мое предпочтение было отдано детям. И они выделяли меня среди остальных итальянцев. Они приходили на катехизацию и все свободное время охотно проводили со мной. Достаточно мне было появиться в центре поселка, как дети выбегали из домов, радостно приветствуя меня и бежали за мной. Я для всех местных жителей стал "батюшкой", в том числе и наших военных».

Следует отметить, что отец Пьетро для своих верующих стал хорошим посредником как с итальянскими военными властями, так и с немцами. А благодаря справкам, составленным военным капелланом — согласно которым молодые девушки работали в нашем госпитале — значительное число их счастливо избежало отправки на работу в Германию.

В начале мая 1942 года отец Пьетро был переведен в Днепропетровск в качестве капеллана второго полевого госпиталя, здесь он, оставаясь военным капелланом, стал также и настоятелем большого храма Св. Иосифа.

¹² Здесь и далее выдержки из: Leoni R. Spia del Vaticano! Rom, 1959. С. 119. Перевод.

¹³ Итальянскому верховному командованию генералу Мессе приказ немецкого командования был передан 5 января 1942 года. Один из его пунктов гласил: «Ограничить богослужение духовных капелланов, как католиков, так и евангелистов, для местного населения, оно разрешается только в войсках; этот запрет распространяется и на местных жителей немецкой расы».

«Многие католики Днепропетровска были сначала поражены и страшно обрадованы, когда во время праздника Св. Духа, после моего обращения к итальянским военным, они вдруг услышали, что я к ним обратился по-русски. Это вызвало у верующих, после стольких лет гонений и преследований, и как будто сейчас вновь "крещенного", такие слезы и рыдания, что даже для наших офицеров и солдат это стало хорошим назиданием».

Вообще, для отца Пьетро было удивительным и радостным изменением отношения к богослужениям и итальянских военнослужащих, «просыпание веры в них на русском фронте». Они теперь испытывали воодушевление при общении с местными жителями, активно помогали в раздаче медальонов, маленьких образков и с радостью выступали крестными отцами при многочисленных крещениях детей. Не раз отец Пьетро наблюдал удивительные сцены, когда солдаты-итальянцы при встречах с местной молодежью, отвергавшей религию, выступали как активные поборники католической веры.

Летом немецкие колонисты пригласили отца Пьетро в Мариенталь, бывшую немецкую колонию, основанную во времена Екатерины II. Уже двадцать лет они не видели католических священников, но, после обращения к военным капелланам-немцам, получили отказ. Колонисты обратились за помощью к отцу Пьетро, и он с радостью «отслужил мессу в зале, превращенном в часовню, которая прошла в благолепии и слезах», вопреки приказу Гитлера. Потом ему представили более сорока семнадцатилетних юношей и девушек, а также совсем юных подростков, которых он окрестил.

«Желание полностью посвятить себя апостолату среди жителей Днепропетровске за месяцы служения возрастало во мне по следующим причинам: 1) через 3 или 4 месяца с начала моей апостольской деятельности среди моих верных прихожан возникло решение написать коллективное письмо к Папе Римскому с просьбой освободить меня от военной службы и назначить меня их приходским настоятелем; 2) летом 1942 года в Днепропетровске оказался консул Одессы Манлио Коппини, он слышал обо мне, встретился со мной в полевом госпитале и спросил, не хотел ли я быть миссионером в Одессе, где было много итальянцев, нуждающихся в духовной поддержке, и где апостольский администратор монсеньор Марко Гласер координирует деятельность значительной группы священников из Румынии. Я ответил, что охотно бы поехал туда при условии, чтобы он ходатайствовал перед моим непосредственным начальством о демобилизации из армии.

В ноябре, насколько я помню, пришло письмо генерального vicария ордена иезуитов отца Шурманса с разрешением: "После демобилизации В.П.¹⁴ выезжайте в Одессу и поступайте в распоряжение монсеньора Марко Гласера". Представьте себе мою радость!»

Однако положение на южном фронте изменилось, начался отход на запад итальянской армии, приток раненых в полевую госпиталь удвоился, так что отец Пьетро едва успевал исполнять свой священнический долг. Фронт приблизился на расстояние 25 км к Днепропетровску; бывали дни, когда отцу Пьетро казалось, «что с минуты на минуту... я буду демобилизован (и не я один), не дожидаясь приказа из Рима». Но... войска Красной армии были остановлены у Новомосковска...

¹⁴ Настоятель, бывший в Одессе до Пьетро Леони.

Итальянская армия покидала Донбасс. Когда персонал основного полевого госпиталя № 1 ушел, отец Пьетро остался с приемным отделением скорой помощи, чтобы исполнить возложенную на него обязанность, — закончить официально оформление военного кладбища в Днепропетровске, а также продолжить обслуживание оставшихся еще итальянских военнослужащих, не забывая и своих верных "прихожан". Среди них было большое смятение, вызванное приближением фронта, а главное, предвидением того, что вскоре они опять окажутся во власти большевиков, ведь не у всех желающих была возможность скрыться. Отец Пьетро оставался в городе как можно дольше, а когда уже ему пришлось покинуть город, то он заверил свою паству, что сделаем «все возможное, чтобы поехать в Одессу и остаться там даже после возвращения большевиков».

В конце апреля 1943 года, после сдачи всех приходских документов старой сторожке храма, он простился с ней и со всеми, кого встретил в то утро, сел в трамвай, чтобы добраться до юго-западного вокзала, где его в вагоне ждал врач и несколько солдат. В трамвае было много женщин, несколько мужчин и солдат.

«Несмотря на нервозность, охватившую почти всех, или, пожалуй, именно из-за этого, группа женщин начала острить: "Я бы поимела этого брюнета"; "Я пошла бы с тем, вон там стоит..."; "А я — с этим рыжебородым типом". Эта последняя женщина подошла близко ко мне, стоявшему на площадке сзади. Я отошел, возмущенный, сказав ей: "Я прекрасно понимаю по-русски. Как вам не стыдно говорить так? Я католический священник; я никогда не имел дел с женщинами. Стыдитесь!" На следующей остановке эта женщина вышла. Это был не первый и не последний раз, когда я сталкивался с таким бесстыдством советских женщин... Но должен сказать, что реакция женщины была не так бесстыдна, поскольку она не знала, что я священник.

Я печально продолжил свое путешествие: я уже сталкивался с духовной нищетой этого народа, которого я был вынужден оставить на милость диких зверей, единственной целью которых было растерзать отару овец. Многие из этих бедных овец даже не давали себе отчет в своей духовной нищете. Это сжимало мое сердце. Но еще сильнее было сострадание в отношении тех верующих, вынужденных оставаться на месте и снова в будущем отрезанных от своих духовных отцов. Было также очень печально при мысли о необходимости оставить наших погибших».

Во Львове у отца Пьетро была возможность посетить митрополита Андрея Шептицкого, с ним он и подвел итог своей деятельности на Украине в течение восемнадцати месяцев. Позднее он добрался до Коломыи, где расположился его госпиталь, и за две недели пребывания в этом городке у подножья Карпат он заметил, что «ни советской власти в 1939-1941 годах, ни нацистской власти около двух лет не хватило для примирения украинского с польским народом: ни общая вера, ни возобновление опасности стать рабами большевизма не помешали им продолжать древнюю вражду; только в тюрьмах и советских трудовых лагерях они становились более разумными: они связывались друг с другом перед лицом истинного общего врага. Там, в этих лагерях мне рассказывали, что братство началось еще раньше, в лесах, где действовали украинские партизаны и Армия Крайова».

За полтора года пребывания Пьетро Леони в качестве военного капеллана на советской территории, он собрал бесчисленное множество свидетельств гонений на веру при коммунистах: соборы и храмы были

осквернены, разрушены или взорваны; священные книги и иконы уничтожены; в газетах и журналах насаждались шаржи и карикатуры против наиболее святых таинств Церкви; священнослужители отправлены в лагеря или расстреляны; удивляло полное невежество и неверие, особенно молодежи.

Ни в одном из городов на Украине отец Пьетро не встретил ни одной, даже маленькой церкви, открытой для богослужений. Только в двух столичных городах оставили открытым по одному храму, как свидетельство для иностранцев, что свобода совести, «гарантированная советской конституцией», существует в СССР. Позднее он узнал, что в Одессе, как морском порту, посещаемом иностранными судами, перед войной еще действовала маленькая часовня на кладбище. Но католическая церковь была разрушена, кафедральный собор Св. Петра был превращен в интернат, а во французской церквушке находился партийный архив.

После двадцати лет преследований католический клир был практически уничтожен, во всех местах, которые посетил в военное время отец Пьетро, не осталось ни одного действующего католического священника, на свободе не осталось даже священников с мирскими профессиями. Многие погибли или скончались, лишь малая часть находилось в тюрьмах и лагерях.

«Несмотря на все это и вопреки жестокостям большевизма, направленных против христианской Церкви, надо отметить, с каким энтузиазмом народы Украины, Белоруссии и Кавказа в годы войны вновь открывали свои храмы и призывали священников.

Наверное, даже Сталин это констатировал вместе со своими приспешниками, и решил смягчить свою политику в отношении религии, заметив, скрепя сердце, что не только многие солдаты, но и офицеры Красной Армии на фронте открыто или тайком крестились и по возможности обзаводились образками или иконками; обнаруживалось также, что военные при появлении удобного случая, несмотря на партбилет, старались посетить какую-нибудь церковь, чтобы помолиться.

Держу пари, что в те дни и Сталину приходила в голову старая русско-украинская поговорка: "Как тревога — так до Бога"».

* * *

В мае 1943 года Пьетро Леони покинул страну с отступающей итальянской армией. В Риме он сразу же поехал в военный комиссариат, чтобы узнать, как обстоят дела с его демобилизацией:

«— Приказ уже давно был, — ответили мне. — Разве вам об этом не сообщили?»

— Мне ничего об этом не сказали. В этой неразберихе поражения кто знает куда он делся.

— Но Вы действительно хотели бы вернуться в Одессу при таком положении дел?

— А почему бы и нет?

— Вы хорошо знаете, что русские могут вернуться в Одессу через несколько месяцев...

— Русские... но это именно то, что я ищу — встречу с русскими. Более удобного случая попасть в СССР я не найду, к приходу Советской армии я буду уже там занят своим делом: это наилучший способ перейти на другую сторону, не прося у власти визу в паспорте.

— А как с религиозными преследованиями?

— Мы знаем, что даже Сталин теперь дал разрешение на открытие храмов. Кто знает, не находимся ли мы у истоков возвращения христианства в Россию? Если потом это окажется просто политическим маневром, все равно этим надо воспользоваться. По крайней мере, на первых порах можно будет воспользоваться некоторой свободой. Если потом станет совсем плохо, я попытаюсь укрыться среди верующих.

Видя мою твердую решимость, офицер военного комиссариата, не раздумывая больше об отмене моей демобилизации, выдал мне приказ. Я получил его на руки 22 июня 1943 года».

Прежде всего я посетил Турин в поисках родственников маркизы Софии Новеллис ди Коарацце, которая еще в Днепропетровске посоветовала мне готовить сакральные предметы к своей будущей миссии <...> Сердечность приема и богатство даров, переданных мне благодаря помощи кузины Софии, искупили тяжесть моего путешествия... Эти дары были для церквушки св. Петра в Одессе.

Затем я поспешил в Рим, где надо было получить паспорт для Румынии с визами румынского правительства, венгерского и немецкого. Я боялся, что красные окажутся в Одессе раньше меня. Но Провидение этого не допустило.

Я получил специальную аудиенцию у Папы, на которой он меня благословил...

Около 20 августа все было готово к отъезду. Мама сказала мне: "Я Вас никогда больше не увижу". Я ответил: "Если однажды Вы услышите, что меня убили, не плачьте, но радуйтесь, гордясь тем, что Вы мать мученика за веру"».

В Одессе отца Пьетро встретил викарий апостольского администратора; прием был душевным, как и в итальянском консульстве, где ему была приготовлена комната. Первые месяцы прошли сравнительно спокойно, с конца июля отец Пьетро проживал в доме Апостольского администратора, позднее — в двух еще не обставленных комнатках во французском храме.

«Я испытывал в некотором роде неудобства, но перенес все это благодаря моей любви и воодушевлению перед открывающимся передо мною возможностями миссионерства. Одесса — морской порт; у меня также было ощущение, что я в порту: и волны разбушевавшегося моря лишь чуть-чуть колебали мою лодку.

Две уцелевшие католические церкви были уже вновь открыты для богослужений. Однако в то время, как центральная церковь Вознесения была полностью отреставрирована, то церковь Св. Петра, называвшаяся французской, только приводилась в порядок. Я служил в ней по воскресеньям и праздникам для итальянской и французской колоний. Я говорил, можно сказать, больше по-русски, чем по-итальянски, чтобы привлечь таким образом и остальные группы местных жителей, которым в приходском храме, может быть, было неудобно, потому что богослужение шло на польском и немецком языках. Я заботился также об обучении христианскому учению в итальянском консульстве; заботился также о кандидатах, обращающихся в католичество или переходящих из "православия", из иудаизма и так далее».

Вскоре в Одессу прибыл еще один священник, желавший остаться служить здесь и после прихода большевиков, — французский ассумпционист Жан Николя; он стал для отца Пьетро «как рождественский подарок, полученный от Высокопреосвященства монсеньора Кассуло из Бухареста». 19 марта 1944 года апостольский администратор, монсеньор

Глазер простился со своей паствой в Одессе и в их лице со всей епархией. 25 марта 1944 года он вместе со священниками выехал в Румынию; в самой Одессе осталось около 8000 католиков и два священника — настоятель Пьетро Леони и вторым священником Жан Николая. Позднее отец Пьетро вспоминал:

«Это был очень тяжелый день для наших верующих: сколько слез, сколько вздохов! Эти бедные души, настолько уже страдавшие в прошлом, теперь, после двухлетней передышки, вновь лишились почти всех своих пастырей, не по вине последних, естественно, но по независимым от них причинам: и на самом деле, сами верующие уговаривали своих пастырей спастись.

У них было мало утешения, что оставалось двое отчаянных пастырей: они понимали, что именно это будет для них источником еще большего волнения и, возможно, в ближайшем будущем поводом повторного унижения веры и очередных сердечных страданий....

Исход населения, бежавшего перед приходом большевиков, был ошеломляющим. Речь идет не только о немцах, но и обо всех этнических группах, включая и русских. Люди, ранее бежавшие с Кавказа, Кубани, из Крыма, Донбасса, после недолгой задержки в Одессе, продолжали свое бегство на запад. К ним присоединялись теперь множество одесситов.

Сколько раз я слышал, как эти люди, готовившиеся к отъезду, говорили: "Мы не можем больше терпеть эти ненавистные рожи. Предпочитаем ехать в другую сторону света, чем еще раз встретиться с этими негодьями". Не будь других свидетельств против большевизма, одно лишь это должно быть достаточным, чтобы опровергнуть славославия ленинско-сталинскому "райскому счастью"».

Именно в те дни началось отступление румынско-немецких войск. В течение двух недель не было ничего, кроме взрывов и стрельбы; взрывались портовые сооружения, водопровод, электростанции, автодороги и железнодорожное полотно. Не прекращались насилия со стороны регулярных и нерегулярных войск, мародеров и бандитов. Нацисты вылавливали взрослых мужчин и молодежь, как юношей, так и девушек, чтобы увезти с собой или расправиться с ними, с тем, чтобы не оставить здоровых сил в руках врага. «Ходили слухи о каких-то баржах, в которых в трюмах открывалось дно, чтобы топить жертвы. Дело в том, что люди бесследно исчезали и днем, и ночью». Последние три или четыре дня священники скрывали на чердаке французской церкви Св. Петра молодую пару: Александра и Станиславу, отец Пьетро недавно обвенчал их¹⁵.

В Пасхальное воскресенье священники отслужили мессу очень рано, так как ей предшествовал крестный ход с антимином сакраманта, проведенный в этот раз внутри церкви. На службе в 11 часов с песнопением было очень мало народу; все время отец Пьетро служил под взрывы бомб, мин и артиллерии. Когда священники вернулись домой, на улице практически не было ни души, но то тут, то там лежали трупы...

«По правде говоря, утром пасхального понедельника, когда мы проснулись в тишине и увидели, как по улицам города шагают бойцы Красной Армии, то почувствовали облегчение, немного похожее,

¹⁵ Станислава была католичкой по рождению, поскольку была из польской семьи. Александр был русским, крещенным в Православной Церкви, перешедшим в католичество в связи с венчанием.

пожалуй, на то чувство освобождения, которое испытал избранный народ в день, когда они очутились на другом берегу Красного моря. Мы чувствовали себя, наконец, свободными от кошмара последних десяти дней; исчез страх анархии; фронт уходил все дальше и дальше...»

И хотя по советским законам регистрация священника-иностранца была невозможна, в ноябре 1944 года Пьетро Леони был все-таки официально зарегистрирован исполкомом как настоятель и проповедник, о чем в следственном деле есть соответствующий документ. В католическую общину его прихода входило около 8000 человек, в основном поляки. Богослужения в храме проходили по православному обряду, проповеди читались на русском языке.

«На службе во французской церкви, где присутствовало много верующих я напомнил (и чтобы сделать комплимент новым властям) им о причине их радости и обратился ко всем с просьбой возблагодарить Господа за то, что он отвел от нас много опасностей.

Первого красноармейца я увидел в храме Св. Петра. В этот час там никого не было. Он вошел, с любопытством огляделся; он долго стоял перед алтарем, а потом, повернувшись ко мне, спросил: «Что это за церковь?» — «Это католическая церковь», — ответил я. Он вытащил из кармана денежную купюру в один или три рубля и пожертвовал, чтобы получить от Господа дополнительной защиты на фронте от опасности. Это были первые жертвования русскими деньгами в католической церкви...

На богослужении в следующее воскресенье храм был полностью заполнен: видимо, прихожане хотели наверстать упущенное, тем более, что Пасха была по-настоящему не отпразднована. И я, в том числе, восполнил упущенное, обратившись с амвона с проповедью: верующим и сомневающимся, как Фома, я привел неопровержимые доказательства божественности Господа нашего, Иисуса Христа, и непреложным фактам его воскресения. В это утро я говорил с таким пылом, что многие из моих прихожан испугались при мысли, что наверняка меня слушают многие неверующих и даже воинствующие атеисты, которые позднее могут отомстить привычными способами».

С установлением советской власти начался ее разбор с молодежью, главным образом, с девушками: кого-то — на фронт, кого-то — в тюрьму, немногие остались нетронутыми. Приказ: «идите на фронт» был естественным; но не была естественной мотивация приказа: «искупить свою вину перед родиной». Еще менее естественным было услышать через несколько месяцев из пребывания на фронте: «идите в тюрьму за измену родине во время вражеской оккупации». После того, как власть "разобралась" с молодежью, наступил час всех остальных. Комендатуры, милиция, государственные учреждения работали лихорадочно, — карусель, от которой даже у нормальных людей начиналось головокружение. Особенно те административные учреждения, как исполком, райисполком, местный совет, милиция...

«Причем, нам приходилось неоднократно самим посещать эти учреждения, если хочешь получить продовольственные карточки или жилье, или разрешение на богослужения. Именно там приходилось все время терять много времени в очередях. Все надо было согласовывать и отчитываться: контролировалось все до малейших деталей. Существовал официальный контроль и тайный».

Конечно, за отцом Пьетро, о котором чекистам уже было давно известно, было сразу же установлено постоянное наблюдение. В июне 1944 года чекисты осуществили первую провокацию — перед началом

богослужения в костеле к нему подошел незнакомый гражданин и передал ему приветы от епископа Глазера, с которым отец Пьетро был хорошо знаком. На вопрос отца Пьетро, где тот мог его видеть, *«незнакомец мне ответил, что ему пришлось быть в командировке в городе Черновицы, и там он виделся с некоторыми католическими священниками»*¹⁶. После настойчивого предложения незнакомца написать епископу письмо, которое тот обещал передать, отец Пьетро насторожился и отказался что-либо писать и передавать; по позднейшим показаниям Леони, *«ко всему сказанному мне этим незнакомым гражданином я отнесся с недоверием»*.

Вторая провокация была организована в мае 1945 года, когда отцу Пьетро была передана записка от бывшего французского военнопленного, якобы прибывшего из Румынии в Одессу для отъезда на родину. Согласно показаниям отца Пьетро, в этой записке *«епископ Глазер поздравлял нас с праздником, а также сообщал, что желал бы иметь от нас какое-либо известие. Письмо-записка была написана на латинском языке»*. И опять отец Пьетро не поверил "военнопленному" и не стал ничего передавать.

Чего же добивались чекисты, организовывая подобные провокации? Получить написанные рукой отца Пьетро письма, которые стали бы вещественными доказательствами его "шпионской работы" и связей с границей. Однако провокация не получилась, и тогда пошли напролом. Сначала был арестован католический священник Жан Николя, служивший в храме вместе с отцом Пьетро, а 25 апреля 1945 года и он сам. О своем аресте отец Пьетро позднее вспоминал:

*«Я спокойно двинулся навстречу чекистам, одетым в штатское. Один из них, спросив мою фамилию и имя, распахнул дверцу машины, вежливо пригласив меня сесть в нее со словами: "Пройдемте в управление: пять минут для выяснения, и вы будете свободны". Это была правда Москвы... <...> пять минут, которые продлились десять лет»*¹⁷.

В следственном деле отца Пьетро подшиты подробные показания об отце Пьетро арестованных ранее на Урале священников: Вальтера Чишека и Владимира Новикова. Именно их показания и стали основой многих обвинений, так как сам отец Пьетро решительно отказался отвечать на многие вопросы, отрицая также и предъявляемые ему показания. Приведем выдержки из протокола обычного для отца Пьетро ночного допроса:

«— Кто вместе с вами занимался в "Руссикуме"?

— На этот вопрос я отвечать не буду, так как это может повредить апостолату Католической церкви.

— Кто, кроме вас, направлен Ватиканом в Советский Союз?

— Знаю, что некоторые попали в Советский Союз, но называть их я не буду, так как вы их можете арестовать.

— С какого времени вы знаете Новикова Владимира Мартыновича?

*— Я о своих знакомых ничего говорить не буду и не намерен своими устами помогать дьяволу, если это идет против Ватикана и Папы Римского»*¹⁸.

За такое поведение Пьетро Леони не раз сидел в карцере, но это не

¹⁶ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело П. Леони и других // Центральный архив ФСБ РФ.

¹⁷ Leoni R. Spia del Vaticano! Rom, 1959. С. 119. Перевод.

¹⁸ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело П. Леони и других // Центральный архив ФСБ РФ.

меняло его поведение на последующих допросах, — ни во внутренней тюрьме на Лубянке, ни в Лефортовской тюрьме, куда его периодически отвозили, так как там было больше возможностей "экспериментировать" над обвиняемым. Не вступая в сотрудничество со следствием, отец Пьетро откровенно, не скрывая антипатии, говорил о своем отношении к советской власти, по его мнению, уничтожившей священнослужителей и активных верующих Католической Церкви в СССР:

«Я был и остаюсь противником марксизма и существующего в СССР политического строя, который, по моим убеждениям, почти ничем не отличается от фашизма <...> Я считаю, власть лишила народы свободы религии, печати, слова, а также свободного разума и развития личной инициативы и творчества <...> На руководителей советского правительства не клеветал, а оскорбительно отзывался».

Важен ответ отца Пьетро на утверждение следователя, что советские граждане, бежавшие с итальянской армией на запад — это «предатели Родины, они везде находятся; эти негодяи убежали, потому что они сотрудничали с врагом».

«Я допускаю, что среди них были предатели; но скажите, чем можно объяснить, что столько народу, как простого, так и образованного: крестьяне и ремесленники, рабочие и инженеры, люди свободной профессии и военные, мужчины и женщины, старики и молодежь, — покидают свою родную землю, чтобы отправиться в незнакомый край? Как объяснить, что народные массы, которые родились и росли в советской стране, к которой привязаны все их интересы, сами по себе оставляют все, чтобы следовать за врагом в неизвестное будущее, в край, где они не знают, найдут ли работу и крышу над головой? Причем, учтите, что те, кто бежал, составляют малую часть того, кто сделал бы то же самое, если бы у них была возможность. Все это значит, что советская власть тираническая; это значит, народ, над которым вы господствуете, уже глубоко убежден, что нет никакой страны в мире, где живется хуже, чем в стране большевизма. Это значит, что вы, большевики, сделали все, чтобы народу стала омерзительна их родина. Как смогла советская власть нажать себе столько врагов среди простого народа и что она сделала, что могло появиться столько предателей родины. И, следовательно, если говорить о предателях родины, то ими являетесь вы»¹⁹.

Страстный проповедник, человек, преданный Богу, отец Пьетро на следствии категорически отрицал, что в своей священнической деятельности преследовал политические цели. После предъявления ему обвинения в проведении активной борьбы с советской властью, он заявил:

«Я — человек сугубо религиозный. Для меня католическая религия выше всего, политика меня не интересует. Когда я отказался от активной пропаганды среди прихожан за участие в подписке на заем и сбор средств на оборону СССР, то заявил работникам райсовета, что вести в церкви такую пропаганду, — это не наше духовное дело. Но я не был против проведения сборов среди прихожан в пользу Красного Креста, семьям фронтовиков и инвалидов войны»²⁰.

Подробные показания свидетелей об активной проповеднической

¹⁹ Leoni R. Spia del Vaticano! Rom, 1959. С. 119. Перевод.

²⁰ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело П. Леони и других // Центральный архив ФСБ РФ.

деятельности отца Пьетро дали возможность следствию выстроить против него обвинение в обращении православных в католичество. И это не отрицал один из обвиняемых, православный священник, после пятнадцати лет священнослужения перешедший в католичество в марте 1944 года. Он показал на допросе:

«Я снова посетил церковь Св. Петра в Одессе, где богослужение совершал отец Леони на славянском языке. Мне понравилась его краткая, но содержательная проповедь на русском языке. Я считал, что Православная Церковь в советских условиях погибает, и единственный выход для верующих — это переход в католичество».

О встречах отца Пьетро во время войны с митрополитом Андреем Шептицким во Львове было известно следствию, так что на допросах священник не считал нужным отречься от них, наоборот, даже особо отмечал важность для него духовного руководства владыки Андрея в его миссионерской деятельности. Во время их второй встречи отец Пьетро рассказал митрополиту *«о положении католической и православной религии на Украине, об отношении немецких властей к духовенству, о том, что православное духовенство у немцев пользовалось доверием и при немецкой оккупации кадры православных священников увеличились».*

Один из обвиняемых, отец Жан Николя на допросах дал серьезные показания о тайной деятельности в Одессе отца Пьетро:

«Леони, после отступления немецко-румынских войск из Одессы, неоднократно заявлял: "То, что делается на территории СССР, должен знать Ватикан". После окончания утренней службы Леони куда-то уходил, совершал прогулки по городу и встречался с неизвестными мне людьми».

Очевидно, говоря о сведениях, которые *«должен знать Ватикан»*, отец Пьетро имел в виду религиозную ситуацию в стране. Следствие же рассматривало передачу любых сведений на Запад как шпионскую деятельность в пользу Ватикана.

Если отец Пьетро на допросах не сказал ни единого слова, которое могло бросить тень на Папу Римского и Ватикан, то ранее арестованные священники, выступавшие по делу отца Пьетро в качестве "свидетелей", не были столь стойкими и подтвердили насаждаемую следствием версию:

«Папа Римский призывал народы Европы к необходимости борьбы с Советским Союзом за уничтожение большевизма. Ватиканом при отступлении немецко-румынских войск на территории СССР оставались в качестве агентов Ватикана священники-миссионеры».

Один из "свидетелей" подтвердил даже версию следствия о том, что отец Леони *«по своим убеждениям являлся сторонником существовавшего в то время в Италии фашистского строя»*, поэтому он, якобы, *«приветствовал нападение фашистской Германии на Советский Союз»*. А как *«ярый противник марксизма»*, в разговорах со свидетелем, якобы, не раз высказывался *«за необходимость уничтожения в СССР советского строя и большевизма»*. После прочтения на очной ставке этих показаний свидетеля отец Пьетро спокойно заметил, что его отношение к фашистам характеризует тот факт, что *«во время оккупации Одессы я оказывал некоторым юношам содействие в том, чтобы их не угнали немцы в Германию»*. Подтвердив, что всегда был *«сторонником изменения существующего в СССР политического строя»*, отец Пьетро заявил, что никогда не желал, чтобы *«это изменение произошло путем нападения на Советский Союз»*.

На очных ставках со "свидетелями" и другими арестованными он, отрицая их показания, не обвинял никого из них во лжи, а на вопросы, касающиеся других обвиняемых, просто отказывался отвечать. А выслушав тяжкие обвинения против себя, обычно говорил так:

«Человек, которого я знал, этого показать не мог, а приведенные выдержки из показаний свидетеля не могут быть его подлинными признаниями. Если же таковые показания есть, то или эти лица продались НКВД, или же их показания являются вашей выдумкой».

За все семь месяцев следствия Пьетро Леони не подтвердил знакомства ни с одним из называемых чекистами священников, которых на самом деле прекрасно знал. Вот самые типичные его ответы:

«В Бухаресте представителем Ватикана был католический епископ, фамилию которого я забыл»²¹;

«С членом ордена иезуитов Яворкой я знаком не был и в лицо его не знал»²²;

«Никогда не был знаком со священниками Чишеком и Новиковым»²³.

И такие ответы приводили следователей в бешенство. Основным обвиняемым Пьетра Леони стал священник Жан Николя, служивший с ним в храме, на очной ставке подтвердивший:

«Леони, наряду с пропагандой католицизма среди русского населения, по заданию Ватикана занимался разведывательной работой и вел среди знакомых антисоветскую агитацию против советского правительства».

Что чувствовал отец Пьетро, слушая своего товарища? Понимал ли, что причиной таких показаний был просто страх? Может быть, сочувствовал ему? Ответ мы находим в его воспоминаниях:

«Возможно, отец Николя попался "на пушку" сразу же. Не будучи также большим знатоком русского языка, он поверил, когда следователь сказал, что я признался в том, что в наших беседах критиковал советский строй. Я не обвиняю его в этом и никогда не жалел об этой очной ставке.

Более того, я возблагодарил Бога и Пресвятую Деву Марию за то, что нам было дано <...> и в тот момент, когда следователь отвлекся, я попросил отца Николя дать мне абсолюцию²⁴. Тогда и он попросил у следователя разрешения нам благословить друг друга. Следователь согласился при условии, что мы не будем говорить на иностранном языке»²⁵.

В 1945 году чекисты собирали компрометирующие материалы против настоятеля храма Св. Людовика Французского в Москве Леопольда Брауна. По версии чекистов, именно через него и осуществлялась "шпионская связь" с Ватиканом священников из Одессы, поэтому на допросах отца Пьетро не раз спрашивали о нем. Однако добиться от него подтверждения этого сценария им не удалось. Вот обычный вариант его ответов на вопросы чекистов:

«— На почве чего вами была установлена связь со священником французской церкви Брауном?

— На почве духовной и братской взаимности.

²¹ Это был епископ Глазер, с которым он встречался в Одессе во время войны.

²² Венделин Яворка был во время его учебы ректором "Руссикума".

²³ Это были его соученики.

²⁴ «Абсолюция» — это отпущение грехов.

²⁵ Leoni R. Указ. соч. С. 148.

— Вы разве к Брауну ни с какими просьбами не обращались?
— Возможно, я и обращался, но зачем, не помню»²⁶.

Бесценной находкой для следствия стало изъятое при обыске у Леони письмо, выделенные строки из которого как бы подтверждали версию "шпионской деятельности" священника:

«Здесь полностью одобряют Вашу многостороннюю деятельность апостольского характера... Его Высокопреосвященство и мы с радостью получим вскоре Ваше сообщение и периодическую информацию о теперешнем положении религии там на месте и о теперешнем ее развитии».

Отметим, что это письмо Пьетро Леони получил в октябре 1943 года, после возвращения в Италию и посещения Ватикана, где он поведал о положении Католической Церкви в СССР. Надо сказать, что далее в письме были строки о дальнейшей судьбе отца Пьетро, его будущей научной работе в Италии, которые напрочь развеивали миф о "шпионском задании Ватикана. Но их следствие не "заметило".

13 сентября 1945 года следствие по групповому делу Пьетро Леони и Жана Николя было закончено и утверждено "Обвинительное заключение" Отец Пьетро отказался его подписать, так как, согласно предъявленному в нем обвинению:

«Леони по заданию Ватикана прибыл на территорию СССР с целью ведения шпионской работы, антисоветской агитации и распространения среди верующих Русской Православной Церкви влияния католицизма».

12 ноября 1945 года Пьетро Леони был приговорен к 10 годам заключения в лагерь, в декабре отправлен с этапом заключенных на станцию Потьма в Темниковский лагерь. Последним документом в следственном деле является «Наряд на отправку осужденного Леони на этап».

* * *

Лагерную судьбу Пьетро Леони с января 1946 года по май 1955 года можно проследить по документам «Личного дела заключенного Особого лагеря № 6, Леони Петра Ангелевича», каторжанина с лагерным номером 16727. В деле приложены: анкета заключенного Темниковского лагеря, отпечатки пальцев, медицинская справка, подтверждающая, что он годен для общих работ, справка о приговоре с указанием дат начала и конца срока заключения. В общем — самые обычные документы личного дела заключенного.

Но далее в деле приложены документы, довольно необычные для осужденного священнослужителя. Сама справка об аресте отца Пьетро в Темниковском лагере от 15 июня 1947 года не вызвала бы удивления, если бы не обоснование для заключения его в тюрьму — он вместе с группой заключенных — поляками, латышами и русскими — обвинялся в создании контрреволюционной организации под грифом "Воля", которая занималась *«подготовкой вооруженного восстания на всех лагпунктах Темлага»*, а отдельные ее члены пытались установить *«связи с некоторыми иностранными государствами»*, причем, для осуществления этого плана *«был подготовлен проект побега путем подкопа»*²⁷.

Из всех участников этой "организации" именно отец Пьетро, по версии

²⁶ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело П. Леони и других // Центральный архив ФСБ РФ.

²⁷ Личное дело заключенного П. Леони // Архив ЦХИДК. Ф. 461/п. Д. 173999.

следствия, вместе с "руководителем" организации, поляком Вуек-Коханским *«составил программу, декларацию, план действий, форму подписки и присяги для членов, вступающих в организацию»*. О том, как фабриковалось это лагерное дело, отец Пьетро подробно описал позднее в своих воспоминаниях. Оно началось для него со знакомства с заключенным Горячевым. Именно он и должен был, по заданию лагерного оперуполномоченного, провести предварительную подготовку, то есть собрать нужное число "участников" организации, *«составить план восстания, написать воззвание и клятву»*, причем, все это под диктовку чекиста.

За день до ареста активных "участников" организации Горячев был срочно переведен в другое лагерное отделение, хотя в приговоре осужденных будет написано о его, якобы, "побеге". Подробно описав провокационные действия оперуполномоченного, отец Пьетро приводит в воспоминаниях свою первую беседу с Горячевым, которая и спровоцировала его на участие в тайных собраниях "участников" заговора:

«Горячев: И когда мы освободим миллионы заключенных, у нас будет огромная армия, которая послужит завоеванию свободы всему народу, который зовется свободным, но, напротив, стонет под тиранией Сталина и коммунизма.

Леони: Идеал прекрасный и святой, но как довести это до исполнения?

Горячев: Ты можешь сделать много, очень много. Именно с помощью религии ты можешь проникнуть в самые их души и затем с уверенностью указать нам на тех, с кем можно сблизиться. После того, как ты войдешь в нашу организацию, твоей обязанностью будет все более воспитывать их в вере и в духе самопожертвования.

Леони: В этом смысле — да, возможно, я мог бы быть вам полезен. Правда, я не склонен смешивать религию и политику, но, что касается доброго, гуманного дела, то я мог бы предложить вам свою помощь. Конечно, моей основной обязанностью остается религиозное воспитание ваших приверженцев»²⁸.

Когда втянутый в эту "организацию" заключенный поляк Вуек-Коханский предложил, чтобы каждый участник расписался кровью на письменном договоре, провокатор активно его поддержал, и только отец Леони стал активно возражать, объяснив всем, что наличие подписанных договоров — это «наиболее надежный способ отдать в руки НКВД всю секретную организацию, ведь достаточно одного обыска, чтобы раскрыть все имена заговорщиков».

Возражения отца Пьетро очень не понравились Горячеву, и он постарался больше не приглашать его на следующие тайные встречи. В отсутствие отца Пьетро с помощью провокатора были составлены все "нужные" следствию документы организации — они-то и стали главной уликой против всех участников группового дела. Следствие по делу продолжалось всего два месяца, ведь "документы" организации были уже изъяты, а средства заставить арестованных подписать любое обвинение у чекистов были стандартные, их-то и описал отец Пьетро в своих воспоминаниях:

«Существовали более действенные пытки: избиения руками и ногами, дубинками, хлыстами, подвешивания за запястья и также за ноги вниз головой, принудительное сидение в течение долгого времени копчиком на краешке стула, пытка, когда капли холодной воды безостановочно падают на одно и то же место черепа, доводя

²⁸ Leoni R. Указ. соч. С. 227.

почти до сумасшествия, шок, вызываемый электрическим током, и многие другие дьявольские изобретения».

28 августа 1947 года Пьетро Леони, как *«активный участник контрреволюционной организации»*, был приговорен к 25 годам каторжных работ, 18 сентября под усиленным конвоем он был отправлен в каторжный Речной лагерь (особый лагерь № 6). Сначала он был на общих работах, и уже в конце 1947 года в его медицинской карте появляется запись, что заключенный П. Леони — *«находился на излечении в стационаре по поводу ключицы»*, и срок — сорок дней. Следующая помета относится к осени 1948 года — он в течение трех месяцев находился на излечении в стационаре *«из-за перелома ключицы»*. В 1949 году в течение пяти месяцев отец Пьетро опять был в стационаре — *«в связи с истощением»*. А 12 января 1950 года решением медицинской лагерной комиссии было подписано заключение о состоянии здоровья Пьетро Леони — *«алиментарная дистрофия и миокардиодистрофия»*. Очевидно, после этого заключения Пьетро Леони был снят с общих работ.

На фотографии, относящейся к этому времени, мы видим человека в последней степени истощения. Но на запрос МИДа Италии о судьбе отца Пьетро Леони реакция властей была соответствующей — начальнику Речлага была отправлена секретная шифротелеграмма, в которой предписывалось срочно выслать в Москву *«заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья осужденного итальянского гражданина Леони Петра Ангелевича»*, а также две его фотографии. Относительно фотографий заключенного отмечалось, что, так как они *«предназначались для передачи итальянскому посольству»*, поэтому *«фотографирование необходимо произвести с особой тщательностью»*, то есть не в лагерной одежде каторжника, а *«негатив следует подвергнуть ретушерной поправке»*²⁹.

В личном деле есть двенадцать фотографий заключенного Речлага Пьетро Леони — в темном костюме и светлом галстуке, в светлом костюме и темном галстуке, в пальто и шляпе, в пальто, но без шляпы, и так далее — хорошо отретушированных изображений человека в гражданской одежде. Из документов не ясно, какая из этих фотографий была предъявлена итальянскому посольству, но, очевидно, что по любой из них невозможно было догадаться об истинном физическом состоянии каторжника, обычной одеждой которого были ватные штаны и темно-синий бушлат с нашитыми в трех местах номерами. О том, как его фотографировали, отец Пьетро позже вспоминал:

«Я надевал рубашку, размышляя, что эта фотография может предназначаться для итальянского посольства в Москве. "Они сами поймут, что это монтаж", — подумал я. Еще более я утвердился в этой мысли, когда фотограф предложил мне надеть галстук, который я носил всего лишь раз в жизни, когда проходил военные смотры»³⁰.

Тогда отцу Пьетро пришла в голову идея занять во время сеанса такую позу, которую показала бы *«мое недовольство пережитым насилием»*. Но как это продемонстрировать? В последний момент он придумал, что если показать "рожки" фотографу, то *«любой проницательный итальянец хорошо поймет состояние души фотографируемого»*. Так он и сделал и, сидя перед фотографом, «вставил в кулак левой руки три пальца правой так, чтобы снаружи оставались указательный и мизинец последней, и таким образом приподнял руки к

²⁹ Личное дело заключенного П. Леони // Архив ЦХИДК. Ф.461/п. Д. 173999.

³⁰ Leoni R. Указ. соч. С. 380.

грудь, чтобы они попали в объектив»³¹. Надо сказать, что эта уловка отца Пьетро не сработала, так как руки его не вошли в кадр.

Когда отец Пьетро вышел после сеанса в коридор, то на вопрос заключенного — почему прием был столь долгим — он ответил: «Эти дьяволы фотографировали меня в роскошных одеждах, чтобы на свободе подумали, что мы здесь купаемся в роскоши». Позднее отец Пьетро вспоминал, что мысль о том, что он, возможно, «содействовал своей пассивностью советской пропаганде, появившись она³² в Италии или при ООН, долго мучила меня»³³.

Интересен хранящийся в личном деле заключенного рапорт начальника лагерного пункта к начальнику лагерного отделения Речлага, направленный 9 апреля 1951 года. В рапорте заключенный П. Леони обвинялся в оскорблении «офицера, капитана Г.», которого назвал «паразитом». О причинах нанесенного офицеру оскорбления в рапорте изложено следующее: «Леони заявил, что офицер оскорбил мою веру», — а на последующее предупреждение офицера, что будет наказан, заключенный ответил: «Это и будет подтверждением, что вы — паразиты». В воспоминаниях отец Пьетро этот эпизод описал иначе. Офицер стал доказывать ему, что Бога нет, а в качестве доказательства привел такой довод:

«— Бог! Но, если бы Бог был, Он не мог бы допустить, чтобы вы находились здесь.

— Почему не мог допустить? Смотрите: я удостоился пострадать за Него Самого, и я уверен, что Он дарует мне вечную награду, если претерплю все до конца.

— Тщетная надежда, поскольку Бога нет.

— Бог был, есть и будет. Советская власть же, напротив...

— Советская власть, — перебил он меня, — была, есть и...

— И не будет, — завершил я, в свою очередь прерывая его»³⁴.

Далее офицер взбесился и стал оскорблять заключенного, тот тоже не остался в долгу, и в результате — рапорт офицера, а в ответ — приказ лагерного начальства: «*Постановить — перевод в БУР³⁵ сроком на 2 (два) месяца с лишением права получения посылок на 2 месяца*»³⁶. Из БУРа заключенный вышел лишь 11 июня, но не был сломлен. Подобных "выступлений" Пьетро Леони против лагерной администрации было много, многие не отражены в личном деле заключенного, но о них рассказали в воспоминаниях его сокамерники. Например, летом 1953 года произошел эпизод, который описал в воспоминаниях Юрий Трегубов:

«Приехал какой-то подполковник читать доклад на тему: советский гуманизм. Тема, что и говорить, особенно интересная для лагерников <...> Как мутный ручей текут восхваления советского строя!

Советская власть вас не только карает. Она еще и милует <...> Миллионы уже освобождены, а это только небольшой процент всех тех, кто будет освобожден. Вот так...»³⁷

Далее Юрий Трегубов вспоминает, как в установившейся после этих слов в зале гробовой тишине вдруг раздался голос:

³¹ Там же. С. 381.

³² Фотография — Прим. сост.

³³ Leoni R. Указ. соч. С. 381.

³⁴ Leoni R. Указ. соч. С. 236.

³⁵ Барак усиленного режима. — Прим. сост.

³⁶ Личное дело заключенного П. Леони // Архив ЦХИДК. Ф.461/п. Д. 173999.

³⁷ Трегубов Ю. Восемь лет во власти Лубянки: Записки члена НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. С. 254.

«Гражданин начальник, вы сказали, что советская власть освободила уже миллионы и что это только небольшой процент тех, кого освободят. Если миллионы — небольшой процент, то сколько же сидит в лагерях? Полстраны?»³⁸

В зале началось оживление, смех, кто-то кричал «о сорока миллионах» заключенных и «истинном гуманизме» советской власти. В этот момент вскочил отец Пьетро и «на вполне приличном русском языке» закричал: «Не верьте обманщикам-чекистам! Не верьте этой безбожной власти! Чекисты вас обманывают, боритесь с ними!»³⁹. По воспоминаниям Трегубова, сначала присутствующие обомлели, а потом в зале поднялся страшный шум. С большим трудом удалось утихомирить разбушевавшегося отца Леони, которого в тот же день, «несмотря на гуманизм советской власти», посадили в штрафной изолятор.

О втором случае рассказал бывший заключенный Жан Урвич. В 1955 году лагерная администрация получила указание из Москвы организовать сбор подписей заключенных под Стокгольмским воззванием, требовавшим запрещения атомного оружия. В помещении лагерного клуба созвали митинг, с призывом подписаться выступил лектор, а потом ведущий собрание стал приглашать желающих выступить в поддержку воззвания. Тогда из конца зала вдруг «прозвучал голос на русском языке с итальянским акцентом»:

«Кто подпишет Стокгольмское воззвание, тот подпишет свой смертный приговор. Лучше жестокая смерть от атомной бомбы, чем продолжение этого "счастливого рая", в котором мы находимся». Зал буквально взорвался. Возникшую суматоху и шум нельзя было унять. Митинг сорвался. Все пошло кувырком»⁴⁰.

Сорвавшим митинг был, конечно, отец Пьетро, к мнению которого заключенные всегда прислушивались. В лагере он пользовался, по мнению Жана Урвича, «очень высоким авторитетом и большим влиянием. Его самообладание и манера держать себя с лагерным начальством снискали ему уважение всех»⁴¹.

После митинга отец Пьетро был вызван оперуполномоченным и обвинен в «открытом подстрекательстве заключенных против советской власти». Прекрасно зная, с кем он имеет дело, отец Пьетро спокойно отверг обвинение. И тогда, в качестве доказательства истинности обвинения, «политрук сделал нечто, что возможно было только в крайних случаях: он раскрыл имя своего информатора. Патер Леони был снова посажен в тюрьму. Но случилось чудо неба! Приблизительно через 10 дней он был освобожден»⁴².

25 апреля 1955 года срок наказания Пьетро Леони был снижен до 7 лет, и за отбытием срока наказания, он был освобожден. Неожиданная весть о его возвращении на родину поразила заключенных.

«Сообщение об отъезде патера Леони в Рим в момент, когда этого никто не ожидал, вселило много надежд и радости. Этот человек дал нам уверенность, что он сообщит свободному миру, в который он вернулся, трагическую и невероятную правду о стране "матадоров" гуманизма и братства народов»⁴³.

17 мая 1955 года в Вене Пьетро Леони был передан представителям

³⁸ Трегубов Ю. Восемь лет во власти Лубянки: Записки члена НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. С 255.

³⁹ Там же. С. 255.

⁴⁰ Urwich J. Fara Pasaport prin URSS. Munchen, 1976. С. 192. Перевод.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Urwich J. Fara Pasaport prin URSS. Munchen, 1976. С. 192. Перевод.

итальянских властей, и «Акт о передаче Петра Леони» стал последним документом в личном деле заключенного.

* * *

Все священники, о которых рассказывалось выше, несли людям веру в Бога, веру, которую большевики в течение многих лет пытались силой искоренить из народного сознания. Священники-миссионеры, готовившиеся для служения в России, избрали нелегкий путь — обращение неверующих в католическую веру через пропаганду восточного обряда, чтобы сохранить православные народные традиции. Цель своего нелегального прибытия в СССР отец Пьетро, по его словам, пытался объяснить следователю на допросе:

«Эта цель, выражаясь просто, является исключительно духовной, именно обращать неверующих к вере в Бога, а верующих иных вероисповеданий объединить в одну настоящую Католическую Церковь. Эта цель достойна, чтобы ей посвятить жизнь и пожертвовать собой, как этого требует жизнь католического миссионера»⁴⁴.

Несомненно, что власти имели достаточно оснований для арестов и осуждения людей, нелегально перешедших границу и живших по подложным документам. И священники-миссионеры, конечно, понимали, сколь трагично может сложиться их судьба в России. Но шли на это сознательно... Их служение Богу отличал дух апостольства, дух мученичества в гонениях последовать за Христом «вплоть до смерти и смерти крестной».

Эта готовность к самопожертвованию не оставляла их ни в тюрьмах, ни в лагерях. И об этом прекрасно сказал сам отец Пьетро, описав последнюю встречу свою с отцом Жаном Николя перед отправкой в лагерь:

«Бледные, исхудавшие, мы не столько сочувствовали друг другу, сколько испытывали праведную гордость стать достойными в высшей степени пострадать за Христа»⁴⁵.

⁴⁴ Leoni R. Указ. соч. С. 385.

⁴⁵ Там же. С. 148.